

ВАШИ ЗНАМЕНИТЫЕ ЗНАКОМЫЕ

рампа «недели»

рампа «недели»

рампа «недели»

рампа «недели»

Народному артисту СССР Михаилу Ивановичу Жарову во вторник, 27 октября, исполнился семьдесят лет. Три дня корреспондент «Недели» искал его, но совершенно безуспешно. Жаров был в театре на просмотре; в Московском горкоме КПСС — он секретарь партийной организации Малого театра; на открытии института по эстетике завода «Красный пролетарий»; в ВТО, где он директор Центрального дома актера.

И даже свое 70-летие Жаров будет встречать в Будапеште, на декаде советско-венгерской дружбы.

— Вы поймали меня буквально за час до отъезда, — говорит Михаил Иванович. — Но я готов ответить на все ваши вопросы.

— Что вы считаете главным в работе актера?

— Я уже почти 60 лет на сцене. За это время мне пришлось сыграть множество разных ролей. И я понимаю, что не буду оригинальным, если скажу: в театре и кино нет маленьких ролей и почти любой эпизод можно сыграть так, чтобы он запомнился. Впервые, пожалуй, помог мне понять эту истину Иван Романович Пельтцер. Я знал его по театру Корша — там он всегда играл эпизодические характерные роли, но в этих вторых ролях он был больше чем первый герой. А потом мы вместе с ним снимались в фильме «Медведь». Он играл Луку. Своей мудростью и отменным мастерством часто уравновешивал меня. Когда я

М. И. Жаров.

Я БУДУ ТАМ ИГРАТЬ...

чересчур увлекался излишними водевильными приемами, он, сидя в кресле, крутил большими пальцами сцепленных кистей рук и качал головой...

Но я, кажется, отвлекся. У каждого артиста, как и у каждого художника вообще, самое основное — знать все о своем герое, то есть о человеке. Для этого надо стараться изо дня в день, из года в год наблюдать жизнь, скрупулезно, педантично. Ведь люди, плохие, хорошие, добрые и злые, а иногда и то и другое вместе, — наши герои.

Искусство перевоплощения — самый высший дар артиста. Играть актер может, по-моему, только тогда, когда он всем своим существом преображается, живет в образе, когда никакая случайность не вышибает его из найденного самочувствия.

Кино дает ощущение полной правды жизни — ведь кинозритель смотрит прямо в глаза своего героя, он видит малейшие тонкости, оттенки и нюансы душевных переживаний. В театре иногда актер никак не может сосредоточиться, а нужно выходить на сцену. Тогда он ведет свою роль технически, исполняя только рисунок. Это плохо, конечно. Но бывает при этом, что в процессе игры он включается и живет в образе. В кино это сделать невозможно — объектив выдаст. Актер кино всегда должен находиться в том состоянии изображаемого человека, которое необходимо по ходу сцены или действия.

Далеко не каждый театральный артист может сниматься в кино.

— Какую роль в кино вы любите больше всего?

— В кино я участвовал в 30 немых и 50 звуковых фильмах. Вы лучше спросили бы: в каких из этих ролей я хотел бы переселиться? А я бы вам ответил: во всех. И в каждой, мне кажется, сейчас я нашел бы новые, лучшие краски и детали.

Даже очень любимую мною роль Меншикова я бы сейчас сделал иначе. Я люблю эту роль главным образом за сам творческий процесс. И за то, что работать пришлось с Алексеем Николаевичем Толстым. Съемки в этой роли доставили мне огромное наслаждение, хотя удача пришла далеко не сразу. Все началось с пробы. Грим у меня был несложный: положив

тон, на меня надели очень пышный, молюеровский парик. Я взглянул в зеркало и понял: этот ужасный парик мне противопоказан.

..Александр Меншиков для меня спас Алексей Николаевич, ибо, несмотря на отвратительную пробу, он взял надо мной шефство. И только потом родился мой Меншиков: волосы он стал зачесывать, как Петр, и усы отращивать тоже, как царь, по-кошачьи, и брови тоже кверху торчали — только был он моложе царя и озорнее. Зато, когда фильм кончили снимать, похвала Толстого доставила мне большую радость. Он сказал, что в следующей книге станет писать Меншикова с меня.

Любима мною и роль дьяка Гаврилы в «Богдане Хмельницком». Я считаю, что образ у актера создается дважды. При чтении пьесы или сценария обязательно представляешь себе своего героя: его лицо, глаза, улыбку, прическу, его одежду, походку, жесты. Как он пьет, танцует, говорит. И второй раз — когда уже, так сказать, непосредственно влезая в его шкуру, то есть начинаешь его изображать. И очень часто первое впечатление меняется.

Еще одну роль я очень люблю: это Дымба в трилогии о Максиме.

Я тогда был очень занят: снимался сразу в нескольких картинах. В «Петре I», в «Медведе», ставил в Камерном театре «Очную ставку» и играл там же главную роль — Ларцева, уже начинал сниматься в «Степане Разине».

Сначала роль Дымбы мне не понравилась. Публика любила меня в ролях веселых, озорных и беспокойных, но всегда симпатичных людей. И мне не хотелось, чтобы меня видели в отвратительных образах. Однако же как бы подсознательно я уже вынашивал образ ненавистного Дымбы. В крахмальном воротничке, гладко причесанный на прямой пробор, с синяком под глазом, с коротко подстриженными усами, веселый, пьяный, с кием в руках... Я называю, конечно для себя, эту роль роль-экстаз, ведь я сыграл ее за 20 дней вместо 50, положенных на съемку.

О роли Анискина из «Деревенского детектива» мы говорить не станем — она только началась, и все впереди.

— Скажите, Михаил Иванович, какое ваше самое яркое театральное впечатление?

— Самыми яркими впечатлениями были, собственно, те, что привели меня на сцену. Это прежде всего озорной Петрушка моего детства в красной рубашке, с отбитым носом. Этому носу часто доставалось. Я очень жалел Петрушку; он был моим первым и самым любимым героем.

Затем ему на смену пришел синаматограф Эдисона. Мы с сестренкой просиживали по 5—6 часов кряду, смотрели одну и ту же программу. А вечером я изображал перед матерью похождения Глупышкина, Дурашкина, мальчика Бобби.

И, наконец, мое случайное участие в массовой опере Кюи «Капитанская дочка» в театре Корша. Тут я получил третий удар, как я это называю, но уже последний — по голове. Я изображал вместе с другими новичками толпу, прячущуюся за частоколом. По команде помрежа мы должны были высунуть из-за этого сооружения головы, и когда это произошло, меня треснули палкой по башке так, что я чуть ли не в беспамятстве упал за кулисы. Зато этот удар окончательно решил мою судьбу: буду актером!

Это, конечно, шутка. А если серьезно ответить на вопрос, то в самое сердце меня поразили игра и пение Федора Ивановича Шалапина и игра Михаила Чехова. Но об этом я подробно написал в своей книге «Жизнь, театр, кино».

— Кто из современных зарубежных актеров вам нравится?

— Жан Габен, Бурвиль, Жерар Филип, Де Сика. Жан Габен, оставаясь внешне самим собой, всегда бывает другим. Он пользуется лишь незначительными, но существенными деталями грима. Габен играет роли людей всех возрастов, и то, что он делает, всегда интересно, никогда не надоедает.

— Что вы больше всего цените в партнере?

— Чтобы он был партнером, а не только вежливо меня слушал.

— Михаил Иванович, еще несколько вопросов. Вот первый: ваш любимый герой?

— Гарибальди. Еще совсем мальчишкой, едва научившись читать, я запером прочитывал маленькие книжки в ярких, пестрых переплетках. Они выходили каждую неделю. И все про Гарибальди. Наверное, в них Гарибальди мало напоминал историческое лицо, зато он был сродни мускетерам и благородным разбойникам. Красавец, смелый, необыкновенно предприимчивый, умеющий выйти из любого положения. Мы, мальчишки, поголовно были влюблены в него. Не так давно, когда я был в Италии и смотрел на статую Джузеппе Гарибальди, у меня сладко замерло сердце и я ощутил себя десятилетним, так же пылко влюбленным в своего героя.

— Ваш любимый девиз?

— «Нет худа без добра». Этот девиз тоже имеет свою историю. Ученикам в свое время покупали маленькие записные книжечки. Они назывались «Товарищ», «Подруга». Купили такую книжечку и мне. Среди прочего там было написано: «Твой девиз». А я и не знал тогда, что это такое. Спросил у отца. Он постарался объяснить мне, и тогда я записал: «Нет худа без добра». Отцу понравился девиз. А меня он выручал во многие тяжелые минуты. Вспомню о нем, и на душе спокойнее делается.

— Ваш любимый писатель?

— Их очень много. У меня есть 22 толстых блокнота, куда я выписываю то, что мне нравится из прочитанных книг. Это очень помогает мне в работе.

— Что вы намерены делать в ближайшее время?

— Ехать в Венгрию. Писать книгу. Играть в интересных спектаклях, сниматься в кино.

Мне пишут зрители: «Когда будет продолжение «Деревенского детектива»? Я им отвечаю: «Если есть желание, чтобы это продолжение было, оно будет, обязательно будет. И я буду там играть».

Анкету «Недели» провела Т. ТРОИЦКАЯ.

Фото Г. Рейнгольда.